

УДК 93/99

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-977-989

Оригинальное исследование

Комиссия по борьбе с дезертирством как форма борьбы с антибольшевистским протестом населения Грайворонского, Корочанского и Старооскольского уездов Курской губернии в 1917–1921 гг.

Бочарников А.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: bocharnikov.aleksey.2020@yandex.ru

Аннотация. В статье на региональном материале представлен анализ такого социального явления, как дезертирство, с которым столкнулись большевики в годы Гражданской войны. Дезертирство являлось одной из форм социального протеста населения против реализуемой советской властью политики «военного коммунизма» и получило широкое распространение не только на фронте, но и в тылу – так называемое трудовое дезертирство. Дезертирство имело массовый характер, в связи с чем ответная реакция со стороны советского государства была достаточно жесткой. Для противодействия дезертирству на местах начали формироваться комиссии по борьбе с дезертирством, была отлажена система работы специальных органов, отвечающих за поимку военных и трудовых дезертиров, а также уклонистов от мобилизации в Красную Армию. Губернии Черноземного Центра РСФСР в годы Гражданской войны стали ареной широкомасштабных боевых действий, в этой связи борьба с дезертирством, определение двух основных категорий уклонистов от воинской службы и трудовых мобилизаций, а также методы борьбы с дезертирами в обозначенном регионе были особенно интенсивными, и в конечном итоге показали положительный результат.

Ключевые слова: военное и трудовое дезертирство, Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА), Гражданская война, комиссия по борьбе с дезертирством (комдез)

Для цитирования: Бочарников А.А. 2023. Комиссия по борьбе с дезертирством как форма борьбы с антибольшевистским протестом населения Грайворонского, Корочанского и Старооскольского уездов Курской губернии 1917–1921 г. *Via in tempore. История. Политология*, 50(4): 977–989. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-977-989

The Commission on Combating Desertion as a Form of Combating the Anti-Bolshevik Protest of the Population of Grayvoronsky, Korochansky and Starooskolsky Counties of Kursk Province 1917–1921

Alexey A. Bocharnikov

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: bocharnikov.aleksey.2020@yandex.ru

Abstract. The article presents an analysis of such a social phenomenon as desertion, which the Bolsheviks faced during the Civil War, the study is based on regional material. Desertion was one of the forms of the population social protest against the policy of "war communism" implemented by the Soviet

© Бочарников А.А., 2023

government. Desertion became widespread not only at the front, but also in the rear – the so-called labor desertion. Desertion had a massive character, and therefore the response from the Soviet state was quite harsh. To counteract desertion, commissions to combat desertion began to be formed locally, the system of work of special bodies responsible for the capture of military and labor deserters, as well as evaders from mobilization into the Red Army, was debugged. The provinces of the Central Black Earth Region of the RSFSR during the Civil War became the scene of large-scale military operations. In this regard, the fight against desertion, the identification of two main categories of evaders from military service and labor mobilization, as well as methods of combating deserters in the designated region were particularly intensive, and eventually showed a positive result.

Keywords: military and labor desertion, the Workers' and Peasants' Red Army, the Civil War, the commission to combat desertion

For citation: Bocharnikov A.A., Prokofieva E.Yu. 2023. The Commission on Combating Desertion as a Form of Combating the Anti-Bolshevik Protest of the Population of Grayvoronsky, Korochansky and Starooskolsky Counties of Kursk Province 1917–1921 *Via in tempore. History and political science*, 50(4): 977–989 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-4-977-989

Введение

Тема данного исследования посвящена социальному явлению дезертирства. Особо массовый характер в советской России дезертирство приобрело в годы Гражданской войны, что было связано с массовой мобилизацией в ряды РККА крестьян, не желающих воевать. Для недопущения массового дезертирства из рядов Красной Армии советской властью была создана система региональных комиссий по борьбе с дезертирством, в частности на территории уездов Курской губернии. Это было связано с тем, что территория Курской губернии являлась местом активных и масштабных боестолкновений в годы Гражданской войны. Поэтому необходимо было предпринимать все меры воздействия не только на военнослужащих, но и на местное гражданское население, которое активно способствовало укрывательству дезертиров, что негативно сказывалось на боеспособности РККА. В ходе реализации поставленной в данной статье цели о выявлении антибольшевистского протеста в годы Гражданской войны в виде дезертирства, авторами была исследована деятельность комиссий по борьбе с дезертирством на территории Грайворонского, Корочанского и Старооскольского уездов Курской губернии (в настоящее время эти территории входят в состав Белгородской области РФ).

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования является деятельность комиссий по борьбе с дезертирством на территории Грайворонского, Корочанского и Старооскольского уездов Курской губернии в годы Гражданской войны.

В ходе исследования авторами применялся метод научного описания, благодаря которому проводился анализ исторических документов, а также выводы по данному исследованию. Статистический метод позволил проследить количественные изменения дезертиров и уклонистов в годы Гражданской войны. Принцип системности использовался не только в процессе изложения, но и при отборе и структурировании фактического материала. Исследование проводилось с использованием принципов объективности, всесторонности и историзма.

Результаты и их обсуждение

Понятие «дезертирство» в годы Гражданской войны имело большое количество значений и касалось не только военной, но и гражданской сферы деятельности.

К.А. Бороздин в своей работе «Борьба с дезертирством в 3-й армии красных в 1918 г.» приводит пять определений понятия дезертирства: уклонение от мобилизации, невыполнение боевого приказа, уклонение от выполнения воинской обязанности, побег с поля боя и переход на сторону противника [Бороздин, 2018, с. 133].

Однако данные определения имеют лишь военный характер и раскрывают значение военного дезертирства. Поэтому, проанализировав различные трактовки термина и понятия «дезертирство» в трудах целого ряда историков, в частности, С.С. Оликова [Оликов, 1926, 126 с.], В.В. Овечкина [Овечкин, 2003, с. 108–115], К.В. Левшина [Левшин, 2016, 300 с.], А.В. Долговой [Долгова, 2009, с. 46–49], А. Анишева [Анишев, 1925, 288 с.] и др., представляется возможным выделить основные формы данного социального феномена, характерные для обозначенных выше уездов Курской губернии.

Территория Курской губернии являлась одной из четырех основных губерний Центрального Черноземья – Курской, Воронежской, Тамбовской и Орловской. На ее территории в годы Гражданской войны происходили наиболее ожесточенные бои между противоборствующими сторонами «красных» и «белых» и действовали многочисленные вооруженные банды, не примыкавшие ни к первым, ни ко вторым, занимавшиеся грабежом населения. К таким формам дезертирства возможно отнести:

1) уклонение (более 3-х дней) от воинской обязанности либо от трудовой повинности. После выхода Декрета от 29 мая 1918 года «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию» [Постановление ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов от 29 мая 1918 г., ст. 518] многие рабочие и крестьяне, мобилизованные на военную и трудовую службу, игнорировали данный Декрет путем неявки в военную часть или на рабочее место. Имели место многочисленные случаи симуляции болезни либо, как крайняя мера, нанесения умышленного вреда своему здоровью;

2) побег с поля боя либо самовольный уход с предприятия, к которому в годы «военного коммунизма» прикреплялся человек или для охраны данного предприятия (если это был мобилизованный на воинскую службу), или если это был рабочий или служащий, прикрепленный к данному предприятию по трудовой мобилизации.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что в годы Гражданской войны в советской России выделялись властями два вида дезертирства: военное и трудовое.

Понятие дезертирство берет свое начало с появлением регулярной армии, когда военнослужащие (военнообязанные) убегали с поля боя. Но в годы Гражданской войны в России понятие «дезертирство» приобрело более широкую коннотацию. Под дезертирством понимали не только побег с поля боя или уклонение от военной службы, но и всяческое избегание или саботирование выполнения государственных обязанностей или повинностей. Следует подчеркнуть, что в первые месяцы существования советской власти законы, касающиеся воинской обязанности, не отделяли четко понятие «дезертирство» от контрреволюционных мятежей, массовых выступлений и недовольств существующим режимом [Долгова, 2009, с. 177–178].

Наряду с военным дезертирством особое место в исследуемый период в советской России занимало трудовое дезертирство, ставшее прямым следствием политики «военного коммунизма». Трудовое дезертирство имело особо массовый характер на железнодорожном транспорте. Согласно информации региональных партийных органов, трудовое дезертирство было связано с массовым наплывом «кулацких элементов», укрывавшихся от мобилизации в армию. Трудовое дезертирство имело тесную связь с таким социальным явлением, как «мешочничество», то есть перевоз из хлебопроизводящих губерний (к ним как раз и принадлежала Курская губерния) в потребляющие хлеб губернии продовольствия с целью спекуляции. В результате, по информации «с мест», из 100 человек, работающих на железных дорогах, «коммунистов едва можно было найти два человека», и как следствие – «присутствовал массовый недостаток трудовой дисциплины, а трудовое дезертирство достигало до 80 % от общего состава рабочих»⁶⁸. Это приводило к тому, что дезертиры занимались грабежом и расхищением государственного имущества: грабили не

⁶⁸ Борьба с трудовым дезертирством: (Сборник офиц. положений). – М.: Глав. ком. по всеобщей трудовой повинности, 1920. – С. 4–5.

только эшелоны⁶⁹, но воровали даже заградительные заборы железнодорожных путей. Как следовало из документов, данные действия препятствовали подъезду в зимнее время года к стратегическим объектам⁷⁰.

В конце 1919 – первой половине 1920 года не только военное, но особенно трудовое дезертирство в целом по центральным районам РСФСР приобрели угрожающий для советской власти масштаб. В этой связи 28 апреля 1920 года Председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий подписал приказ № 990 «О борьбе с трудовым дезертирством на железнодорожных путях». Данный приказ стал регламентом, благодаря которому стало возможным не только определение основных причин трудового дезертирства, но и систематизация этого социального явления по категориям. 9 мая 1921 года Совет Народных Комиссаров (СНК) принял декрет «О трудовом дезертирстве», согласно которому перечень признаков трудового дезертирства существенно расширился. Теперь трудовым дезертирством признавались действия работника, если он уклонялся от регистрации, от явки на место работы по трудовой повинности, фальсифицировал или скрывал документы своей рабочей специальности, симулировал болезнь, отсутствовал на постоянной работе без уважительной причины, а также самовольно оставлял рабочее место⁷¹.

Вместе с тем, несмотря на расширение перечня основных признаков дезертирства, четкого юридического определения понятия «трудовой дезертир» все еще не существовало. Этот пробел попытался восполнить Е. Брудно, сформулировав определение понятия «трудовое дезертирство» в своем политико-агитационном труде «Что такое трудовое дезертирство», опубликованном в 1921 году.

Следует отметить, что с точки зрения современного понимания этого термина его определение у Е. Брудно звучит весьма неординарно. Он утверждал, что дезертирством следовало считать:

- 1) уклонение от тех обязанностей (независимо от их количества и наименований), которые возлагались на каждого члена «трудовой семьи в государстве рабочих и крестьян – в Советской Республике»;
- 2) стремление переложить свои обязанности на других, а самому стать «паразитом на теле Республики» [Брудно, 1921, с. 6].

С нашей точки зрения, выявляя основные признаки трудового дезертирства и интерпретируя данный термин современным языком, следует констатировать, что трудовое дезертирство – это самостоятельно принятое работником решение уклониться от выполнения трудовых обязательств, принудительно накладываемых на него работодателем (в исследуемый период – представителями органов власти и управления советского государства).

29 мая 1918 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) Советов принимает решение перейти от строительства добровольной армии к регулярной. Он утверждает Декрет «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию»⁷². Однако на местах Декрет вывал «бурю негодований» со стороны населения. Таким образом, в РСФСР начинают обостряться в массах трудящихся антивоенные настроения. В этой связи реализация ленинского плана по созданию и развертыванию на фронтах Гражданской войны трехмиллионной Красной Армии становится сложно выполнимой. Во-первых, антивоенные настроения имели место в России еще в годы Первой мировой войны, тем более что русская армия более чем на 80 % состояла из крестьян [Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах), 1925, с. 17–18], что, в свою очередь, приводило к большому скоплению дезертиров в деревне. Так, один из известных

⁶⁹ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 8.

⁷⁰ Там же. – Л. 12.

⁷¹ Борьба с трудовым дезертирством: (Сборник офиц. положений). – Указ. соч. – С. 7–8.

⁷² Постановление ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов от 29 мая 1918 г. «О принудительном наборе в РККА» // СУ РСФСР. – 1918. – № 41. – Ст. 518.

военных теоретиков М.Д. Бонч-Бруевич вспоминал, что «солдаты прямо писали о том, что воевать не могут и хотят домой» [Бонч-Бруевич, 1957, с. 130].

Важную роль в развитии военного дезертирства сыграл принятый большевиками на Втором Всероссийском съезде Советов 26 октября 1917 года Декрет «О земле», который в решающей степени способствовал самовольному массовому оттоку вначале из военных частей бывшей царской армии, позже – во второй половине 1918 года – из формируемых частей РККА⁷³. Так, в феврале 1918 года количество дезертиров из РККА составляло 3 710 человек [Голдин, 2000, с. 77], то есть примерно 0,07 % от общего количества военнослужащих в частях формирующейся Красной Армии. Однако уже к декабрю 1918 года количество дезертиров выросло примерно на 18,23 % (по сравнению с февралем 1918 года) и составило в общей сложности более 900 000 человек [Оликов, 1926, с. 38]. Значительный рост военных дезертиров указывал на то, что сельское и городское население устало от военных действий, и это обстоятельство стало основой для формирования и на фронте, и в тылу массовых антивоенных настроений.

По подсчетам Т.В. Осиповой, количество дезертиров в 1918 г. увеличилось в разы после принятия нескольких декретов СНК о введении на территории РСФСР продовольственной диктатуры: Декрета от 9 мая 1918 г. «О предоставлении Народному Комиссариату Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими»⁷⁴; Декрета от 13 мая 1918 г. «О чрезвычайных полномочиях Народного Комиссариата по Продовольствию»⁷⁵ и Декрета от 27 мая 1918 г. «О реорганизации Народного Комиссариата Продовольствия и местных продовольственных органов»⁷⁶. К этому времени около свыше 75 % призывников уклонились от призыва (см. рис. 1.) [Осипова, 2001, с. 302].

Рис. 1. Количество дезертиров в РККА на 29 мая 1918 г. (в % от общего числа военнослужащих)

Fig. 1. The number of deserters in the Red Army on May 29, 1918 (as a percentage of the total number of military personnel)

⁷³ Декреты Советской власти: в 11 т. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук СССР. – М.: Политиздат, 1957–1997. – Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – С. 17–20.

⁷⁴ Декрет ВЦИК от 09 мая 1918 г. «О предоставлении Народному Комиссару Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» // СУ РСФСР. – 1918. – № 35. – Ст. 468.

⁷⁵ Декреты Советской власти: в 11 т. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук СССР. – М.: Политиздат, 1957–1997. – Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. – С. 261–264.

⁷⁶ Там же. – С. 307 – 312.

По данным исследования Н.В. Ракова, весной 1919 года в Центрально-Черноземном районе количество уклонистов (люди, которые пытались избежать мобилизации) составило от 75 до 90 % от всего количества призывников. Такой процент уклонения от мобилизации связан с тяжелым положением дел на фронте, а также с началом посевной работы [Раков, 2011]. Однако в среднем по всей территории РСФСР цифры были иные. Так, Центральная комиссия по борьбе с дезертирством (Центркомдезертир) представила данные по количеству уклонившихся от мобилизации до 9 июля 1919 года на территории РСФСР. Всего приводится 754 488 уклонистов или 22,2 % от всех состоящих на учете (примерный мобилизационный набор должен составлять 3 398 594 человека). При этом в Курской губернии данный показатель был выше в 1,5 раза, что составило более 1 130 000 уклонившихся от общего количества призывников [Молодцыгин, 1997, с. 178].

Согласно анализу статистических данных по уездам Курской губернии, мужчины в возрасте от 25 до 30 лет (рождённые до 1893 года) игнорировали мобилизацию, и средний процент «уклонистов» колебался от 60 % до 70 % от общего числа призывников. Следует отметить, что мобилизованные мужчины, рождённые до 1893 года, как правило, уже имели собственное хозяйство и семью, которую необходимо было обеспечивать. Именно это обстоятельство обуславливало наибольший процент «уклонистов» в этой категории лиц призывного возраста. С другой стороны, мужчины, рождённые после 1895 года, давали самую массовую мобилизацию – 88,4 %. Как правило, это были не успевшие обзавестись семьей молодые люди, возраст которых колебался от 19 до 21 года [Раков, 2011]. Следует подчеркнуть, что именно мобилизованные данного возраста активно принимали участие в «добровольной явке» в случае дезертирства. Например, проводимая «добровольная явка» с 10 декабря 1920 года по 23 февраля 1921 года составила 711 человек от 1 326 мобилизованных или 53,6 % от общего количества призывников в обозначенных нами в статье 3-х уездах Курской губернии ⁷⁷ (см. рис. 2).

Рис. 2. Количество добровольно явившихся дезертиров на территории Курской губернии (чел.)
Fig. 2. Number of voluntary deserters on the territory of Kursk province (persons)

Выявляя главные предпосылки появления дезертирства, необходимо отметить, что армия имела плохое снабжение – имели место острый недостаток продовольствия и обмундирования. Зачастую семьи мобилизованных красноармейцев голодали, так как оставались без кормильца, а государство в полной мере не могло их обеспечить. Один из современников событий, исследовавших данную проблему, С. Оликов утверждал, что ос-

⁷⁷ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 123.

новная причина массового побега красноармейцев в «хозяйственной разрухе и небеспеченности семей красноармейцев» [Оликов, 1926, с. 88]. А.В. Луначарский также высказывался по поводу массового дезертирства в Красной Армии, назвав основной причиной плохое снабжение. По его мнению, дезертировали «вовсе не из ненависти к Советской власти, а потому что плохо кормят и совсем не обувают» [Осипова, 2001, с. 304]. Плохой была и санитарная обстановка в частях Красной Армии. В качестве примера можно привести выговор за неисполнение должностных обязанностей военному комиссару Дмитровского уезда. Выговор был вынесен за то, что военком не следил должным образом за санитарными нормами в подчиненных ему воинских частях и допустил «грязные полы, ... отхожих мест нет. ...Красная Армия находится в худших условиях: плохое питание, большинство (красноармейцев – *авт.*) раздетых и разутых»⁷⁸.

Кроме перечисленных, важными причинами массового дезертирства также являлись «утомленность войной, тяжелые условия службы, нежелание участвовать в военных действиях, необходимость поддержания хозяйства, возрастающая в период полевых работ и определявшая его сезонный характер» [Левшин, 2011, с. 73]. Данные причины напрямую были связаны с преобладающим крестьянским составом Красной Армии. Как и в Первой мировой, в годы Гражданской войны крестьянам необходимо было кормить свои семьи. После мобилизации мужчин, женщины, дети и старики вынуждены были выполнять всю тяжелую сельскохозяйственную работу, зачастую не справляясь с ней, поэтому военнослужащие самовольно покидали воинские части, чтобы выполнить полевые работы в своих хозяйствах. При этом существовавшая социальная поддержка семей красноармейцев часто не работала и фигурировала только в отчетах советских местных органов. Все это негативно влияло на психоэмоциональное состояние мобилизованных, что приводило их к массовому дезертирству.

Началом формирования структуры военных комиссариатов и Комиссий по борьбе с дезертирством стало утверждения декрета от 29 мая 1918 года «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию». Для реализации данного декрета были созданы специальные комиссии как в центре, так и на региональном уровне. Их основной задачей было недопущение дезертирства из рядов РККА, а также поимка дезертиров и ведение ведомственной отчетности, в том числе составление анкет дезертиров, которые заполнялись при проведении дознаний.

Анализируя архивные данные, можно выделить четыре основные причины дезертирства на территориях уездов Курской губернии:

1) **«Просроченный отпуск».**

Солдатам категорически не хватало определенных по разрешению начальства отпускных дней для отдыха и решения семейных проблем. Зная о том, что возвращение в часть позже того числа, которое указано в отпускном листе, карается законом, военнослужащие на свой страх и риск самостоятельно продлевали себе отпуск. Так, в документах отмечалось (среди множества подобных случаев), что весной 1920 года красноармейцу Семену Трофимову был предоставлен отпуск в связи с болезнью на 2 месяца. Однако Трофимов согласно больничному листу в часть не вернулся. После проведения специальной операции по поимке дезертира было выявлено, что Семен Трофимов все это время находился дома, лечился и занимался домашними делами. Дезертиром себя не считает, в графе «Причина побега» отметил: «отпуск просрочен на две недели»⁷⁹.

2) **«Отлучился за хлебом и бельем».**

Это причина напрямую свидетельствует о плохом снабжении армии. Красноармейцы вынуждены были покинуть военную часть для поиска пропитания, одежды и белья. Так, согласно составленной «анкете дезертира», Максим Стригунов, житель Курской губернии,

⁷⁸ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 6.

⁷⁹ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 110.

22 апреля 1920 года самовольно покинул воинскую часть в связи с тем, что «часть плохо обеспечивали продуктами питания и обмундированием. Спустя два дня был пойман военным отрядом Гусева». В анкете указал, что дезертиром себя не признает, причина побега «отлучился за хлебом и бельем»⁸⁰.

3) **«Самовольное отлучение».**

Как правило, данная формулировка в документах встречается у дезертиров в весенне-осенний период времени. Это было связано с тем, что весной начинается посевная, а осенью – уборочная. Соответственно, дома у солдат в хозяйстве «не хватало рабочих рук», поэтому они были вынуждены покинуть часть или продлевать себе отпуск самовольно. Например, житель Корочанского уезда Яков Федоров неоднократно просился в отпуск в связи с тем, что дома нет мужчин для проведения посевных работ. Однако в отпуске ему было отказано, и Яков Федоров в начале апреля 1920 года самовольно ушел из военной части. В воинскую часть вернулся самостоятельно в конце апреля 1920 года, дезертиром себя не признает. За данное нарушение было описано имущество «25 сажений земли, хата..., запасы пеньки и др.»⁸¹.

4) **«Сбежавший из части».**

На военкоматы была возложена ответственность за отправление мобилизованных в военные части. При этом военных, которые должны сопровождать колонну мобилизованных, катастрофически не хватало. Поэтому часто мобилизованных отправляли самостоятельно добираться до места дислокации. Пользуясь отсутствием военного конвоя, мобилизованные самовольно покидали колонну и таким образом становились дезертирами. Так, в сохранившихся архивных документах отмечалось, что 25 апреля 1920 года мобилизованный красноармеец Егор Романов, уроженец Корочанского уезда, был направлен вместе с 15 такими же сослуживцами в 1-й Украинский полк. Сопроводительный документ выдали одни на всех и передали Романову, которого назначили «старшим». Пользуясь отсутствием военного сопровождения мобилизованных, Егор Романов самовольно «ушел домой», оставив однополчан без документа. 4 мая 1920 он добровольно вернулся в воинскую часть, однако никаких документов при себе не имел. В ходе разбирательства уездкомдез в графу «причина побега» записала «сбежавший из части»⁸².

В связи с массовым военным дезертирством советская власть с конца 1918 года ускоренными темпами формирует на местах комиссии по борьбе с дезертирством. И уже к февралю 1919 года данные комиссии работают в 25 губерниях [Молодцыгин, 1997, с. 177].

Одна из самых важных задач губернских комиссий по борьбе с дезертирством (губкомдез) заключалась не только в поимке дезертиров, но и в профилактической работе с населением с целью недопущения разрастания и сокращения массового дезертирства в рядах РККА и на производстве. Был разработан комплекс мер воздействия на местное население и на самого (военного или трудового) дезертира. Он включал в себя агитацию, пропаганду, разъяснительные беседы о вреде дезертирства, а также митинги с целью «развития <...> политической сознательности рабочих и крестьянских масс». Однако наряду с гуманными методами существовали и карательные, которые выражались в виде «физического воздействия» на дезертира. При необходимости активно подключали карательные органы в лице НКВД (милиции), ВЧК, военных и революционных трибуналов и др. Для поимки дезертиров силовые структуры использовали следующие методы: облава и арест выявленных дезертиров, создание пикетов на дорогах для проверки документов, проверка выполнения воинской повинности на местах и т. д.⁸³

⁸⁰ Там же. – Л. 109.

⁸¹ ГАБО. – Ф. Р-779. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 109.

⁸² ГАБО. – Ф. Р-779. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 77.

⁸³ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 214.

В обязанности губкомдезов входило ведение учета по поимке дезертиров. Дезертиров делили на две категории:

1. «зlostные» (оригинальное написание сохранено – *авт.*).

К данной категории относили военнообязанных, которые не прибывали в воинскую часть более двух недель, и тех, кто оказывал сопротивление при задержании. Что касается трудового дезертирства, то к данной категории относили рабочих, которое не появлялись на рабочем месте более трех дней без уважительной причины. Также следует отметить, что к данной категории причисляли всех дезертиров, игнорировавших «добровольную явку».

2. «осознавшие свою вину» (оригинальное написание сохранено – *авт.*).

К дезертирам этой категории относили тех, кто отсутствовал на рабочем месте или не прибыл в воинскую часть в течение двух недель по уважительной причине, а также тех, кто явился добровольно в недельный срок в проводимую губкомдезом «добровольную явку». Военных дезертиров, как правило, отправляли в штрафные либо запасные части. Трудовых дезертиров нагружали дополнительной работой по возвращению на рабочее место⁸⁴.

Помимо вышеперечисленного, губкомдезы выполняли функцию надзорного органа, в обязанности которого входил контроль над местными органами власти по выполнению ими изданных советской властью декретов, предоставления в полном объеме гарантированной советским государством социально-экономической поддержки семьям красноармейцев, контролировали губкомдезы также процесс посева и уборки хлеба. В случае если местные органы власти не выполняли или частично выполняли свои обязанности, губкомдезы накладывали штрафные санкции с формулировкой «бездействие или неправильные действия» [Долгова, 2016, с. 63].

К середине 1919 года на территориях губерний РСФСР, контролировавшихся советской властью, была сформирована целая сеть местных губернских и уездных комиссий по борьбе с дезертирством – губкомдезов и уездкомдезов. Функции уездной комиссии по борьбе с дезертирством (уездкомдезы) были такими же, как у губкомдеза, но только существенно уже – в рамках своего уезда. Вместе с тем, помимо контролирующих функций, на уездкомдезы ложилась огромная «бюрократическая волокита» в виде еженедельных и ежемесячных отчетов в вышестоящие губернские структуры. Так, например, каждую пятницу отправлялась статистика по количеству дезертиров, которые находятся в розыске. 10-го числа каждого месяца необходимо было отправлять в губкомдез общеуездный доклад по борьбе с дезертирством и сведения о предоставленной помощи семьям красноармейцев. Три раза в месяц (до 5, 13 и 21 числа) предоставлялись оперативные сводки и два раза в месяц (до 13 и до 28 числа) предоставлялись 2-х недельные сводки по дезертирам. Помимо перечисленного, 13 и 28 числа каждого месяца отправлялся доклад по конфискации имущества выявленных дезертиров.

Уездкомдезы активно сотрудничали с местными советами, коммунистическими и комсомольскими ячейками для скорейшего выявления и задержания дезертиров⁸⁵. В основу работы были положены специально разработанные инструкции. Так, на территории Грайворонского, Корочанского и Старооскольского уездов Курской губернии действовала специальная инструкция по борьбе с дезертирством. Согласно данной инструкции, президиумы сельсоветов, волостные и уездные военкоматы обязаны были организовать поимку дезертиров, и ежедневно к 12 часам дня старший подразделения (т. н. «десятник») комдеза отчитывался в президиум сельсовета, имеются ли в его «десятке» дезертиры. Если «десятник» не отчитался или предоставил недостоверную информацию, его судили по «закону военного времени». В связи с этим на сельские советы ложилась дополнительная обязанность: они должны были следить за тем, чтобы информация подавалась достоверная и в

⁸⁴ Там же. – Л. 214.

⁸⁵ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 244.

срок. Если на территории сельсоветов появлялся дезертир, его необходимо было задержать силами местного подразделения комиссии по борьбе с дезертирством⁸⁶.

После задержания дезертира заполнялась специальная анкета. В ней указывались: имя, отчество и фамилия дезертира, год его рождения, семейное положение, включая «из скольких душ семья, пол, возраст и трудоспособность отдельных членов семьи». В анкете отмечалось социальное положение дезертира, сколько лет служил в старой (царской – *авт.*) армии, был ли добровольцем при наборе в новую, Красную Армию, срок службы в Красной Армии, «в какой части служил, что побудило дезертировать»⁸⁷. Заполнив все данные, дезертира под конвоем направляли в волостные военкоматы.

В случае если сельсоветы не могли задержать дезертиров ввиду отсутствия на местах военизированного подразделения, в поимке дезертиров должны были содействовать волостные военкоматы, если же последние также не имели необходимых силовых структур, им должны были в срочном порядке предоставить военную помощь соответствующие уездкомдезы.

Как правило, на территории уездов контрольную функцию выполняли преимущественно волостные военкомы. Именно они должны были следить за своевременной подачей всех сведений сельсоветами по выявлению и задержанию дезертиров. В случае если президиумы сельсоветов не предоставили или предоставили недостоверную информацию, волвоенкомы должны были арестовать председателей сельсоветов и доставить в уездкомдез. В обязанности волвоенкомов входила организация и руководство «облавами». Однако «облавы» осуществлялись лишь в том случае, если в волости были в наличии вооруженные отряды⁸⁸.

Вместе с тем наряду с силовыми методами для борьбы с дезертирством комиссии использовали и средства «принуждения мобилизованного к добровольной явке», а также формировали «позитивный настрой мобилизованных» на основе пропаганды официально заявленной и гарантированной советскими властями обязанности помогать семьям красноармейцев. Так, например, во время службы в рядах РККА членам семей красноармейцев полагался спецпаек, а также необходимая помощь в ходе полевых работ, в заготовке дров или иных хозяйственных нуждах [Долгова, 2016, с. 26]. Однако если военнотружущий дезертировал из военной части, всех привилегий семья лишалась⁸⁹.

В начале июня 1920 года в Центркомдез была разработана еще одна инструкция по информационному оповещению мирных жителей, где указывалось, что в случае укрывательства мобилизованного дезертира имущество укрывавшего полностью конфисковалось⁹⁰.

Как правило, конфискация имущества имела три вида:

- 1) конфискации подлежало все имущество дезертира и его пособников, которые помогали скрываться от вооруженных отрядов комиссии по борьбе с дезертирством;
- 2) осуществлялась конфискация половины имущества дезертира и его пособников, если дезертир был пойман сразу военным подразделением;
- 3) конфискация имущества не проводилась, имущество только описывалось и ставилось на учет. Это было возможно в случае добровольной явки как самого дезертира, так и его укрывателей⁹¹.

В целом анализ текста инструкции показывает, что вокруг дезертира формировалась своеобразная форма «коллективной ответственности», так как за дезертира отвечали не только родственники и соседи, которые могли лишиться своего имущества в случае сокрытия места нахождения дезертира, но и местная администрация, на которую в этом случае накладывалось дисциплинарное взыскание.

⁸⁶ Там же. – Л. 3.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 38.

⁹⁰ ГАБО. – Ф. Р-778. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 182.

⁹¹ Там же. – Л. 214.

Как отмечалось выше, помимо относительно гуманных методов работы с дезертирами присутствовали и силовые методы, среди которых наиболее жестким являлась «облава» [Долгова, 2010]. В ходе облавы отряд по поимке дезертиров окружал или организовывал оцепление местности, на которой предположительно находился дезертир. Происходило оповещение населения о карательных мерах, в случае если выявится, что дезертиру оказывали какую-либо помощь. Далее начинали осматривать дворы, хозяйственные помещения и дома. Всех, кого считали подозрительными, или не имевших документов, удостоверяющих личность, отправляли в милицейский участок или в военкомат до выяснения личности⁹².

Заключение

Таким образом, после прихода к власти большевики столкнулись с антисоветскими настроениями значительной части населения, усилившимися в условиях введения и ужесточения политики «военного коммунизма», важнейшими составными которой являлись продразверстка, военные и трудовые мобилизации. Одной из ярких форм выражения антибольшевистского протеста стало как военное, так и трудовое дезертирство. В связи с тем, что понятие «дезертирство» в исследуемый период имело весьма расплывчатую трактовку, советская власть объявляла дезертирами практически всех, кто уклонялся от выполнения ее приказов на фронте и в тылу. И боролась с такими «дезертирами» методами «красного террора». С учетом того факта, что трудовое и военное дезертирство приобрело в исследуемый период массовый характер, в РСФСР была создана центральная (федеральная), региональная (губернская) и местная (уездная и волостная) сеть комиссий по борьбе с дезертирством (комдезы). Методы работы комдезов были разнообразны, начиная от пропаганды и агитации, и заканчивая конфискацией имущества, трибуналом и расстрелом. Как результат жестких методов борьбы с дезертирством, когда строго наказывали не только самих дезертиров, но и их семьи, а также «укрывателей» и тех, кто в той или иной форме помогал дезертирам, на территории исследуемых в статье уездов Курской губернии – Грайворонского, Корочанского и Старооскольского – Курская губкомдез добилась положительных результатов. К 1920 г. по сравнению с 1919 г. количество дезертиров в среднем в каждом уезде уменьшилось примерно на 30 %⁹³.

Список источников

- Борьба с трудовым дезертирством: (сборник официальных положений). 1920. М.: Издание Главного Комитета по всеобщей трудовой повинности, 16 с.
- Государственный архив Белгородской области. Р-778. Комиссия по борьбе с дезертирством Грайворонского уездного комиссариата по военным делам. Оп. 1. Д. 1; Д. 3; Д. 6; Д. 14; Д. 15; Д. 21; Д. 22.
- Государственный архив Белгородской области. Р-779. Комиссия по борьбе с дезертирством Корочанского уездного комиссариата по военным делам. Оп. 1. Д. 1; Д. 2; Д. 5; Д. 16; Д. 17; Д. 18.
- Государственный архив Белгородской области. Р-780. Комиссия по борьбе с дезертирством Старооскольского уездного комиссариата по военным делам. Оп. 1. Д. 2; Д. 5; Д. 10.
- Декрет ВЦИК от 09 мая 1918 г. «О предоставлении Наркомпроду чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». СУ РСФСР: 35: Ст. 468.
- Декреты Советской власти: в 11 т. 1957–1997. М.: Политиздат, Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г., 698 с.
- Постановление ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов от 29 мая 1918 г. «О принудительном наборе в РККА». СУ РСФСР. 1918. 41: Ст. 518.
- Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). 1925. М., 103 с.

⁹² Там же.

⁹³ ГАБО. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.

Список литературы

- Анишев А. 1925. Очерки истории гражданской войны 1917–1920 гг. Л. [Санкт-Петербург]: Гос. изд-во, 288 с.
- Бонч-Бруевич, М.Д. 1957. Вся власть Советам: Воспоминания. М.: Воениздат, 358 с.
- Бороздин К.А. 2018. Борьба с дезертирством в 3 армии красных в 1918 г. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение»:133–135.
- Брудно Е. 1921. Что такое трудовое дезертирство. Вологда: Вологодское Отделение Государственного издательства, 8 с.
- Голдин В.И. 2000. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск: Боргес, 280 с.
- Долгова А.В. 2009. Тема дезертирства в годы гражданской войны в отечественной и зарубежной историографии в первые годы советской власти. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 12: 46–49.
- Долгова А.В. 2016. Дезертирство из Красной армии и борьба с ним в 1918–1920 гг. как конфликт между властью и населением: на материалах Пермской губернии. Москва, Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ), 245 с.
- Долгова А.В. 2009. Субъективизм и освещение истории дезертирства и крестьянских восстаний периода Гражданской войны. Доклады Академии военных наук: Воен. история. 3 (38): 177–180.
- Долгова А.В. 2010. Борьба с дезертирством в Красной армии во второй половине 1919 г. Вестник ТГУ. 3 (83): URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-voyna-na-vostoke-rossii/a-v-dolgova-banditizm-ili-borba-s-dezertirstvom-v-1919-1920-e-gg.html> (дата обращения 20.07.2023).
- Левшин К.В. 2016. Дезертирство в Красной армии в годы Гражданской войны (по материалам Северо-Запада России). СПб.: Нестор-История, 300 с.
- Левшин К.В. 2011. Причины дезертирства в Красной Армии (1918–1921 гг.). Новейшая история России. 2: 73–79.
- Молодцыгин М.А. 1997. Красная армия: Рождение и становление, 1917–1920 гг. М.: ИРИ, 231 с.
- Овечкин В.В. 2003. Дезертирство из Красной армии в годы гражданской войны. Вопросы истории. 3: 108–115.
- Оликов С. 1926. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. Л. [Санкт-Петербург]: Издание Военной Типографии Управления Делами НАРКОМВОЕНМОР и РВС СССР, 128 с.
- Осипова Т.В. 2001. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: ООО Издательство «Стрелец», 397 с.
- Раков Н.В. 2011. Уклонение от призыва и дезертирство из РККА в годы Гражданской войны: (на материалах Курской губернии). Курск. гос. ун-та. 2: URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17250600> (дата обращения: 20.07.2023).

References

- Anishev A. 1925. Ocherki istorii grazhdanskoj vojny 1917–1920 gg. [Essays on the History of the Civil War of 1917–1920. L. [Sankt-Peterburg]: Gos. izd-vo, 288 p.
- Bonch-Bruevich M.D. 1957. Vsyta vlast' Sovetam: Vospominaniya [All Power to the Soviets: Memories]. M.: Voenizdat, 358 p.
- Borozdin K.A. 2018. Bor'ba s dezertirstvom v 3 armii krasnykh v 1918 g. [The Fight Against Desertion in the 3rd Red Army in 1918]. Penza: MTsNS «Nauka i Prosveshchenie»: 133–135.
- Brudno E. 1921. Chto takoe trudovoe dezertirstvo [What is Labor Desertion]. Vologda: Vologodskoe Otdelenie Gosudarstvennogo izdatel'stva, 8 p.
- Goldin V.I. 2000. Rossiya v grazhdanskoj vojne. Ocherki noveyshey istoriografii (vtoraya polovina 1980-kh – 90-e gody): monografiya [Russia in the Civil War. Essays on Modern Historiography]. Arkhangel'sk: Borges, 280 p.
- Dolgova A.V. 2009. Tema dezertirstva v gody grazhdanskoj vojny v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii v perve gody sovetskoj vlasti [The Theme of Desertion During the Civil War in Russian and Foreign Historiography in the Early Years of Soviet Power]. Aktual'ne problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk.12: 46–49.

- Dolgova A.V. 2016. Dezertirstvo iz Krasnoy armii i bor'ba s nim v 1918–1920 gg. kak konflikt mezhdru vlast'yu i naseleniem: na materialakh Permskoy gubernii: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 [Desertion from the Red Army and the Fight Against it in 1918–1920 as a Conflict Between the Authorities and the Population: Based on Materials from the Perm Province]. Moskva, Ros. gos. gumanitar. un-t (RGGU), 245 p.
- Dolgova A.V. 2009. Sub"ektivizm i osveshchenie istorii dezertirstva i krest'yanskikh vosstaniy perioda Grazhdanskoй voyny [Subjectivism and Coverage of the History of Desertion and Peasant Uprisings During the Civil War]. Doklady Akademii voennykh nauk: Voen. Istoriya. 3 (38): 177–180.
- Dolgova A.V. 2010. Bor'ba s dezertirstvom v Krasnoy armii vo vtoroy polovine 1919 g. [The Fight Against Desertion in the Red Army in the Second Half of 1919] Vestnik TGU. 3 (83): URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/a-v-dolgova-banditizm-ili-borba-s-dezertirstvom-v-1919-1920-e-gg.html> (data obrashcheniya 20.07.2023).
- Levshin K.V. 2016. Dezertirstvo v Krasnoy armii v gody Grazhdanskoй voyny (po materialam Severo-Zapada Rossii) [Desertion in the Red Army During the Civil War (Based on Materials from North-West Russia)]. SPb.: Nestor-Istoriya, 300 p.
- Levshin K.V. 2011. Prichiny dezertirstva v Krasnoy Armii (1918–1921 gg.) [Causes of Desertion in the Red Army (1918–1921)]. Noveyshaya istoriya Rossii. 2: 73–79.
- Molodttsygin M.A. 1997. Krasnaya armiya: Rozhdenie i stanovlenie, 1917–1920 gg. [The Red Army: Birth and Formation, 1917–1920]. M.: IRI, 231 p.
- Ovechkin V.V. 2003. Dezertirstvo iz Krasnoy armii v gody grazhdanskoй voyny [Desertion from the Red Army During the Civil War]. Voprosy istorii. 3: 108–115.
- Olikov S. 1926. Dezertirstvo v Krasnoy Armii i bor'ba s nim [Desertion in the Red Army and the Fight Against it]. L. [Sankt-Peterburg]: Izdanie Voennoy Tipografii Upravleniya Delami NARKOMVOENMOR i RVS SSSR, 128 p.
- Osipova T.V. 2001. Rossiyskoe krest'yanstvo v revolyutsii i grazhdanskoй voyne [The Russian Peasantry in the Revolution and Civil War]. M.: OOO Izdatel'stvo «Strelets», 397 p.
- Rakov N.V. 2011. Uklonenie ot prizyva i dezertirstvo iz RKKA v gody Grazhdanskoй voyny: (na materialakh Kurskoй gubernii) [Draft Evasion and Desertion from the Red Army During the Civil War: (Based on Materials of the Kursk Province)]. Kursk. gos. un-ta. 2: URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17250600> (data obrashcheniya: 20.07.2023).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.08.2023

Received 04.08.2023

Поступила после рецензирования 29.10.2023

Revised 29.10.2023

Принята к публикации 29.10.2023

Accepted 29.10.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бочарников Алексей Алексеевич, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Alexey A. Bocharnikov, Postgraduate Student of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0007-8714-6596](https://orcid.org/0009-0007-8714-6596)